

# СИМВОЛ ПОКОЛЕНИЯ

## Почему Элина Быстрицкая не приняла в подарок платье от госпожи Эйзенхауэр

Ирина Барышева

**ЭЛИНА АВРААМОВНА**, однажды я случайно услышала, что вы работали ассистенткой у знаменитого Эмиля Кио. Это правда?

— Да, такое действительно было. Сама я родом с Украины, но поскольку мой отец был военным, мы довольно часто переезжали и как раз тогда жили в Вильнюсе. Я решила снова уехать на Украину, подала документы в Киевский театральный институт. У меня была длинная история с поступлением: однажды со мной пошел папа — выяснять, что это за институт, и так поговорил с директором, что мне пришлось уйти. У меня был конфликт с семьей, поэтому, когда я приехала в Киев, мне надо было позаботиться о своем финансовом обеспечении. На съемках фильма «Тарас Шевченко», где я подрабатывала в массовке, познакомилась с Эллочкой Сумской, киевлянкой, которая уже закончила первый курс. Однажды она сказала мне, что приехавший в Киев на гастроли Кио набирает балет. Мы пошли в цирк, но оказалось, что в этом году балет был не нужен. Мы, разочарованные, пошли к выходу, однако нас окликнули: «Подождите! Нам нужны ассистентки». И спрашивают меня: «Вы воздуха боитесь?» Я в ответ: «Что вы, я люблю воздух!» Не знала тогда, что на языке цирковых слово «воздух» означает высоту. Меня одели для аттракциона «Фонарь», показали, что надо делать и куда встать, проверили, как я помещаюсь. Впервые в жизни мне дали блестящее платье, туфли на высоком каблучке... Для меня все это было сказкой: не успев еще никуда поступить, я уже артистка, да еще где-то у самого Кио! Репетировали мы только в манеже, поэтому, когда уже на представлении я первый раз оказалась под куполом и увидела внизу крошечные лица, поднятые вверх, мне стало так страшно! Фонарь, вращаясь, опускался. Была команда: когда Кио подает определенный знак — хлопнет два раза в ладоши — я должна прыгнуть вниз, поклониться и убежать за кулисы. Я взглянула — господи, как же высоко, такое расстояние до арены! Но надо — и я прыгнула. Платили там больше, чем в массовке на киностудии или в оперном театре, где я тоже подрабатывала. В опере «Аида» одним из рабов, несших на спине большие блюда, была я. В аттракционе я проработала полтора месяца до начала занятий, обеспечив себя на полгода студенческого существования. Мне предложили остаться, но я должна была учиться, и моя цирковая карьера закончилась.

— Вы помните свой первый выход на сцену?

— Это было в 1948 году в Нежине, куда наша семья попала после войны, поскольку наш дом в Киеве был разрушен. Я училась в балетной школе, когда меня пригласили для участия в спектакле «Маруся Богуславка». Я танцевала одалиску в гареме султана. Помню, маму ужасно расстроил мой костюм: «Ну как можно, чтобы был виден живот!»

— Как получилось, что, пройдя все ужасы военного времени, вы вдруг стали артисткой?

— Да очень просто. Мне было 13 лет, когда я стала работать во фронтовом передвижном сортировочном эвакуошпитале. Хотя я окончила медицинский техникум, так настрадалась в войну от вида боли, крови и несчастий, что не могла продолжать эту профессию. Будучи студенткой второго курса, я выступила в художественной самодельности, после чего мне стали говорить, что у меня есть талант. Конечно же, я в это поверила и решила: стану артисткой! Пошла учиться в балетный класс при музыкальной школе, заведомо зная, что балериной не буду, зато это пригодится мне для работы в театре. Танцевать я обожала, занималась этим по 4–6 часов.

— Война оставила в вашей душе какой-то след?

— Безусловно! Подросток не должен все это видеть. Поэтому чувствительность и нервная возбудимость у меня гораздо выше, чем должны бы быть.

— Если вам не нравится сценарий или не подходит роль в кино, вы можете отказаться. А если такое происходит в театре, где вы официально работаете, имеете вы на это право?

Имя Элины Быстрицкой стало легендой. Для миллионов любителей кино черно-белая красавица навсегда остается знаменитой донской казачкой — шолоховской Аксиной. Однако для неумолимой актрисы ее профессия — лишь маленькая (хоть и крайне важная!) часть жизни. Другую часть, и весьма значительную, всегда занимало то, что мы в недавнем прошлом называли «общественно-полезным трудом». В течение 17 лет она возглавляла Федерацию художественной гимнастики СССР, была почетным президентом Федерации бильярда, препода-

вала актерское мастерство, являлась членом Совета по культуре при президенте РФ, а сейчас — президент благотворительного Фонда в поддержку искусства и науки, профессор, академик нескольких академий... Самая красивая актриса советского кино, символ поколения, она и по сей день остается такой же энергичной, душевной, обаятельной женщиной и удивительно интересной собеседницей. Для разговора Быстрицкая пригласила меня в свой теплый и очень гостеприимный дом в самом центре Москвы.



Независимая газета. — 2007. — 17 февр. — с. 9

Элина Быстрицкая. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

— К сожалению, в моей жизни были отказы от ролей, и все это списывалось на счет моего «тяжелого характера». Но на самом деле не совсем так. Я очень сильно «амортизирована» из-за войны, поэтому нервная система не такая, как хотелось бы. Три-четыре раза возникали конфликтные ситуации: или мне недостаточно хорошо объяснили или я не так поняла... Почти со всеми режиссерами я прекрасно работала без всяких конфликтов, но случаи, когда я ухожу и оставляю роль, были. Это негативно сказалось на моей актерской судьбе. Однажды я решила переселить себя и продолжала репетировать, хотя мне очень было тяжело. В результате я попала в больницу с нервным стрессом, лежала там три недели.

— В прежние времена «элиты советского искусства» часто приглашали выступать в Кремле, на дачах и в резиденциях наших «вождей». Вам поступали такие предложения?

— У меня был всего один такой случай во времена правления Хрущева. На какой-то праздник меня пригласили вести концерт в правительственный санаторий, где я увидела, что зрители пришли в зал... в пижамах! После этого я попросила: «Пожалуйста, ни-

когда меня больше на такие мероприятия не приглашайте!»

— В 1970 году вы вступили в партию. Это было ваше личное желание и убеждение или членство в КПСС было необходимо для карьеры, зарубежных поездок и так далее?

— У меня умирал отец, который был коммунистом и, кроме того, военным человеком. Он принял этот строй, хотя не разбирался в политике, а был просто законопослушным гражданином своей страны и ее защитником. И он мне сказал: «Я прошу тебя это сделать. Ты потом поймешь, что я прав!» После того, что я пережила в комсомоле, я этого очень не хотела, но воля отца, тем более последняя, для меня была законом. Правда, шпыньте меня уже начали, когда я еще была кандидатом.

— За что?

— Мы были на гастролях в Болгарии. Когда пришло время уезжать, до вокзала всех везли в автобусах, но у меня были проблемы со здоровьем, я очень неважно себя чувствовала и рассказала об этом сопровождающей нас женщине. Мне предложили «Чайку», в которую я пригласила наших двух пожилых режиссеров с женой. По дороге мы остановились в

каком-то очень красивом месте возле живописного озера, нам постелили на траве скатерть, появились фрукты, болгарское вино — в общем, болгары устроили замечательный пикник, да еще с собой надарили ящики коньяка и вина. В купе с одним из режиссеров оказался наш секретарь парторганизации, которому с восторгом рассказали, как мы ехали. Вскоре после поездки меня вызвали на партбюро и попросили рассказать, как я прохожу кандидатский стаж. Спросили: «Вы знаете, кто ездит на «Чайке»?» Я сказала: «Да. В нашей стране — члены правительства, а в других странах все, кому ее предлагают!» Вот такие были «криминальные» ответы. Тем не менее меня не выгнали и в партию приняли.

— Еще раньше, в 1955 году, вы были в составе первой советской делегации кинематографистов, «выпущенной» во Францию. Поездка за рубеж, да еще сразу в капстрану, стала, наверное, потрясением?

— Легко представить, какие «защоренные» мы были в те годы. Я вертела головой во все стороны и была свято уверена, что все это — показуха, устроенная специально для нас. Пока с Симоной Синьоре,

Ивом Монтаном и Жераром Филлипом не побывала в загородном доме и не увидела, как живут «их» актеры. Тут и начала понимать, что нам говорят неправду. Но самое главное открытие произошло на обратном пути: нас попросили заехать в Западный Берлин, чтобы пролить «месячник германо-советской дружбы» и заодно послушать оперу «Порги и Бесс». В Союзе в это время кричали об угнетении чернокожего населения за рубежом. А тут за кулисами я увидела, как огромный негр, исполняющий главную партию, оперся локтем на плечо своего хозяина-продавца и что-то ему объясняет. Ничего себе «угнетенный!» Перед отъездом нас принял советский посол в Германии. По своей привычке говорить то, что думаю, я у него спросила: «Почему Западный Берлин — как Париж, а Восточный — как вся наша разбитая земля?» «Эх, товарищи!» — ответил он. — Западный Берлин — это же витрина империализма! Впрочем, советскую пропаганду из нас не так-то просто было выбить. Помню, в Америке госпожа Эйзенхауэр хотела подарить мне платье от своего Дома моделей. Принять подарок за границей было просто исключено. А во-вторых, я подумала: «А вдруг меня сфотографируют, когда я буду переодеваться? Поди докажи тогда, что ты не верблюд!» Мой отказ восприняли с большим недоумением...

— А что за «мучения» вы испытали в комсомоле?

— До сих пор помню комсомольское собрание по поводу того, что я дала пощечину хулигану. Из-за этой пощечины мне попытались «пришить» этаким политический демарш. Было это в 1953 году в Киеве. Но ударила я его правильно, и я сейчас бы ему врезала, и вот за что. В тот день должен был проходить ленинский траурный вечер, где я читала «Поэму о Ленине». Я стояла и повторяла текст, ожидая своего входа в аудиторию, где должна была прочитать это педагогу по сценической речи. И в это время развеселившийся студент младшего курса (а я уже заканчивала институт) подкрался сзади и изо всей силы свистнул мне в ухо какой-то свистулькой! А у меня ухо с детства было очень чувствительным местом. Я развернулась и от всей души дала ему звонкую пощечину! Собрание созвали уже в конце марта, хотя инцидент был в январе. Педагог сказал мне: «подавайте заявление о переводе в харьковский институт, потому что завтра выйдет приказ о вашем отчислении». Я сказала: «Завтра будет приказ о моем отчислении — послезавтра ищите меня в Днепре». Я словами не бросаюсь, и это действительно так было. В институте меня оставили...

— Могли вы предположить, что станете такой популярной?

— Что вы! Папа отговаривал: «Ты всю жизнь будешь выходить на сцену с подносом и говорить: «Кушать подано!» На что я отвечала: «Я каждый раз буду произносить эти слова по-разному!» Но его «пророчество» не сбылось: свою профессиональную актерскую работу я начала сразу с главной роли в пьесе Арбузова «Таня». Дебют состоялся в Вильнюсском драматическом театре, были и аплодисменты, и цветы — большущий букет огромных желтых хризантем!

— Вы были готовы к славе?

— После успеха «Тани» я сыграла в театре еще одну роль, потом на гастролях театра в Ленинграде меня пригласили на «Ленфильм»... сразу два режиссера! Нужно было выбирать: играть роль врача в «Неоконченной повести» или шекспировскую Виолу в «Двенадцатой ночи». И я решила, что сыграю врача — такого, каким был мой отец.

— Папа был доволен?

— Он признал меня еще раньше, когда увидел «Таню» — она ведь тоже врач. Помню, родителям я запретила приходить на премьеру, не зная, что меня ожидает, как будет воспринята моя первая роль. И вдруг — успех! Приехала домой расстроенная, что их не было. Но только мне открыли дверь, я поняла, что они видели спектакль, потому что за спиной у мамы грелся самовар, который у нас ставили по большим праздникам. И папа сказал: «Твоя взяла! Работай!»

— Как вы ощутили свою «звездность»?

— Как огромную ответственность, особенно после выхода «Неоконченной повести» на эк-

раны. Многие пошли в медицинские вузы — и я очень этим горжусь. Впоследствии одна женщина-врач из «той волны» — Татьяна Игоревна Савинская — спасла мне жизнь, когда я тяжело заболела. Вылечила, когда другие опустили руки.

— И вы не противились воле отца, что он заставляет вас стать врачом, в то время как вы стремились на сцену?

— Наоборот, я сама очень хотела быть врачом! Отец готовил меня себе на смену всегда, я бывала у него на работе, окончила медицинское с красным дипломом, и отец надеялся, что я пойду в институт. Но во время практики поняла, что это — не мое. Пример: практические занятия по хирургии. Пришел человек, у которого было воспаленное надкостницы. Врач решил вскрывать через щеку. Сделали пациенту наркоз — он захрипел и умер. Почему, что случилось — понять было невозможно. То ли болевой шок, то ли от наркоза... Были и другие примеры. В результате я поняла, что не смогу быть специалистом высокого уровня, а находиться где-то в хвосте — не для меня. Я — Овен по гороскопу, человек упорный и настойчивый, и мой принцип в жизни — или делать хорошо, или не делать вообще.

— Встретился ли вам в жизни такой же настоящий мужчина, каким был ваш отец?

— Конечно. У меня был очень интересный муж. Но, извините, я не люблю рассказывать о личной жизни.

— Вы не устаете от публичности, открытости вашей профессии?

— Жить «на просвет» — неприятно, конечно. В свое время не думала об этом, а недавно обратила внимание на то, что хочется куда-то уйти, уединиться, почитать, почитать, что-то увидеть, узнать. Одиночество — это совсем другое. Слава Богу, у меня есть друзья, родные, круг общения, любимые книги. Есть работа — я ведь не сижу дома.

— Есть ли у вас слабости?

— Конечно, я же нормальный человек! Иногда утром совершенно не хочу вставать, хотя знаю, что «надо обязательно». И бывает так, что устраиваю себе «день лени». Иногда надо что-то приготовить, а тоже не хочется.

— Вы вкусно готовите?

— Да. Просто знаю сочетание продуктов. Почувствовала, что полною, что это тяжело, да и для сцены вредно — и начала питаться «раздельно». Теперь это вошло в привычку. Если только решаю кого-то побаловать, то колдую на кухне — салаты делаю всякие, щи, супы. А для себя — никогда.

— Знаю, что одно из ваших хобби — рыбалка. Давно сидели с удочкой?

— Очень давно! В последний раз я рыбачила под Вильнюсом в юности. Поймала 10 маленьких ершиков, но зато решила свою судьбу. Десять часов просидела в лодке под проливным дождем, размышляя о том, что надо уезжать в Киев, поступать в институт, на что-то жить...

— У вас живет маленький пекинес. Как он к вам попал?

— Однажды у меня уже была собака, пареня, настоящий король огромного роста, помесь волка и овчарки. Когда мы ходили гулять, он брал бульжники и тащил к дому. Скоро у порога образовывалась целая горка камней. Но пришлось расстаться из-за «Тихого Дона» — съемки шли два года. А это вот пушистое чудо появилось у меня почти два года назад. Фифочка занимает все мое свободное время и очень успокаивает, снимает стресс. А попала она ко мне очень интересно. Я пригласила к себе на дачу гостей, и по дороге мы остановились у какого-то рынка купить необходимые продукты. Мужчины отбраковали выбирать мясо для шашлыка, а я пошла туда, где продавали собачек. Поглядела одну, другую — душа не лежит. Вдруг вижу — женщина несет вот это крохотное существо с совершенно умильной мордашкой. Я взяла собачку на руки, она тут же прижалась ко мне всем тельцем и начала облизывать. Я спрашиваю: «Как ее зовут?» И тут хозяйка называет имя моей покойной мамы. Это было 9 августа, а 11 сентября — день машиной смерти. Почему-то я решила, что это мне от мамы послано и собачку я должна обязательно взять. Спросила, сколько стоит. Конечно, меня узнали и, увидев, что я заинтересовалась, назвали совершенно немислимую сумму в долларах! Я просто оторопела; стою и вычисляю, где такие деньги добыть. О том, чтобы торговаться, мне даже в голову не пришло! И вдруг какой-то мужчина платит требуемые деньги и ценка этого забирает! Мне чуть плохо не стало, а он... кладет его мне на руки и говорит: «Я ваш давний почитатель и прошу принять от меня этот подарок». Наверное, он находился рядом, все слышал, видел мое лицо и все эмоции, которые на нем отражались. Я записала его координаты, иногда звоню, но и дня не проходит, чтобы я мысленно не сказала ему спасибо за это чудо!